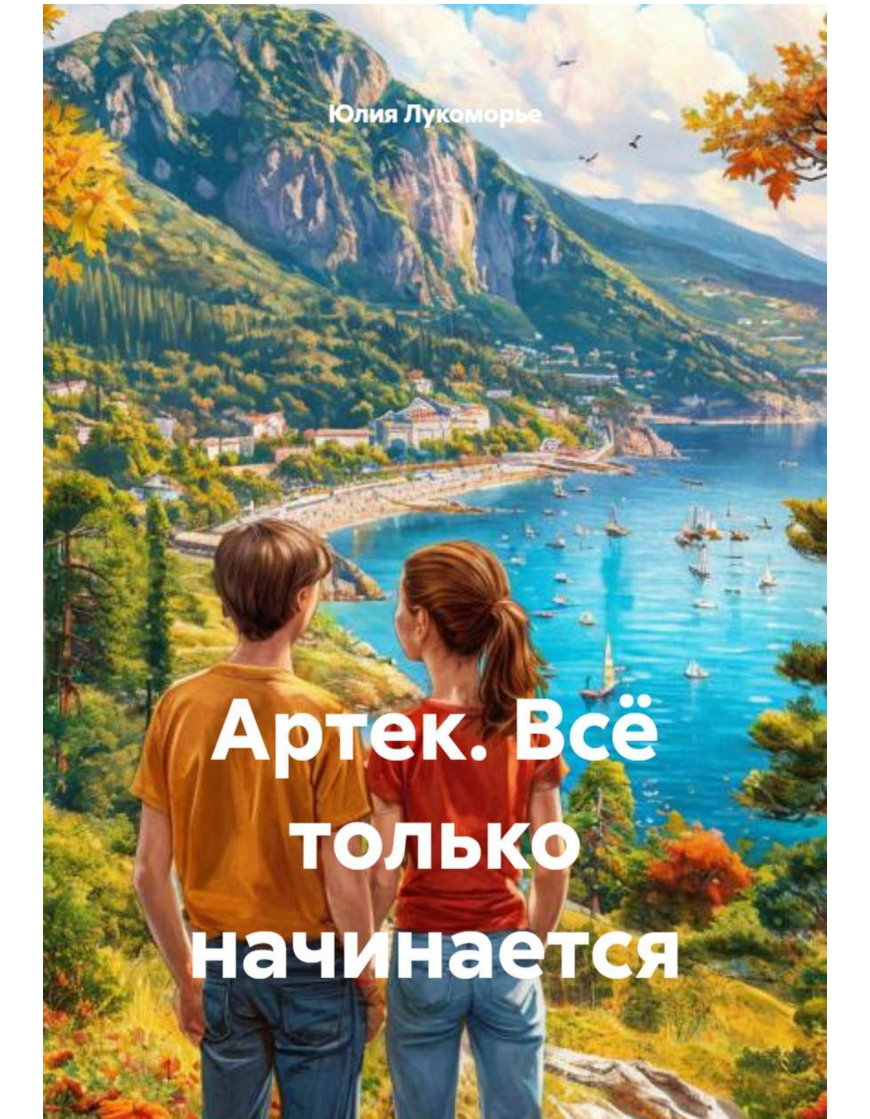

Юлия Лукоморье

**Артек. Всё
только
начинается**

Юлия Лукоморье

Артек. Всё только начинается

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73519693

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга о любви. Любви с первого взгляда и на всю жизнь. Любви к «Артеку» – особенному миру, где песни учат: «Ребята, надо верить в чудеса». Любви детей, рождённых в 1970-е, которым пришлось взрослеть в перевернувшие их мир 90-е. Это история от первого лица о том, что было, и о том, что могло бы быть. И даже о том, чего никогда не будет, но так бы хотелось. Это воспоминания о советском детстве. Это фантазия, выросшая из реальности. Это песня признательности лучшему детскому лагерю на свете. И в ней всё-всё правда, ну, кроме сказки, конечно!

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3.	15
ГЛАВА 4.	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Юлия Лукоморье
Артек. Всё только
начинается

ГЛАВА 1

Я еду в «АРТЕК». Я опять еду в «АРТЕК». Хотя это вообще невозможно. Вот быть дважды Героем СССР можно, а дважды в «АРТЕК» – нет. Хотя я, конечно, уже не раз ехал туда опять. Во сне. И в «школьные годы чудесные», и, когда «от сессии до сессии живут студенты весело», и когда надолго засел в мягкое кресло главбуха многообещающего, но так и не оправдавшего большие надежды, банка.

Но на этот раз это не сон. Сон, кстати, был прерван звонком от сестры.

– Андрей, представляешь, нашему Лешке дают путёвку в «АРТЕК»! Он всё-таки победил на региональной Олимпиаде по Биологии и вот!

– Поздравляю, Оль, я так рад за него!

– Мы тоже рады, Андрюш, но это же катастрофа! Как он там будет, такой «Паганель Бенедиктович», да ещё из квартиры 21 века! Ты же сам рассказывал: там горы, тропы, пусть искусственные, но озера, поход на Аю-Даг, море, наконец! Андрюша, брат, я тебя очень прошу, поезжай с ним в качестве сопровождающего, а? Я всё узнала, так можно, там и гостиница для таких случаев есть.

– Подожди, Оль! Ты что, сына с нянькой хочешь в лагерь отправить? Его же засмеют!

– Ну зачем с нянькой?! Ну, будешь к нему заглядывать,

мало ли... Вдруг он где заблудиться – найдешь! И в поход обязательно вместе! Я тебя умоляю, Андрюша!

– Оль, я понял. Спасибо, конечно. Я и не мечтал. А сами-то что не едете?

– Сами! Юра сам с нами в отпуск вместе третий год не вырвется, всё у него фирма на пик развития поднимается. Когда уж поднимется, дожить бы. А я, ты же знаешь, только устроилась в ту фирму, в которую так рвалась. И отпуск мне светит только через полгода. Андрей, соглашайся!

Я согласился! И я еду в «АРТЕК». Рядом рыжий племяш. Очки. Веснушки. Энциклопедия по биологии. Лешка. Он же «Паганель Бенедиктович».

Паганель... Я познакомился с ним в 1988 году. Но сначала я познакомился с Ней.

Поезд «Новосибирск – Симферополь». И нас целый вагон! Нас – это значит пионеров, в первую очередь неутомимых активистов с горящими глазами и головами полными всяких идей, а потом уж отличников. От 10 до 13 лет. Мы, тринадцатилетние, невероятно взрослые. Правда, нас всего трое. И одна из нас – она. Юлия.

– Ребята, а кто смотрел «В поисках капитана Гранта»?

Наши сопровождающие оказались совсем не развеселыми вожатыми- комсомольцами, а обычными тётеньками, которые предложили нам попеть пионерские песни. После «Взвейтесь кострами» всё и закончилось, повисла тишина. Представляете, три дня в поезде без смартфонов? Ну, тиши-

на длилась недолго. Юля очень загадочно повторила вопрос:
– Неужели никто не смотрел?

Оказалось, полностью никто. И на небосводе вагона засияла Юлина звезда. Мы практически сидели друг на друге, сердца стучали громче колёс, а живой телевизор вещал нам потрясающую историю о невероятных приключениях и благородных поступках. Мы замирали на тонко продуманных паузах и хором выдыхали, когда отступала опасность. Мы морщили лбы, пытаясь прочесть невидимую карту. Мы мчались, ехали, плыли навстречу новому. Глубокой ночью тётеньки – сопровождающие, дослушав историю до конца, отправили всех спать.

Утром я так спешил умыться и занять место поближе к рассказчице, что забыл на раковине свои очки. Зря забыл...

– Держи, Паганель!

И улыбка в самом уголке губ. Обидеться или нет? Я и правда, немного рассеянный. Да ещё рыжий, весь, насквозь. Веснушки так и рвутся через каждую клетку, даже на пятках...

– Ладно, я буду Паганель. А ты... Ты будешь Мамочка!

Ей, кажется, понравилось. Она ведь не только сказки сказывать была мастерица. Всем помогла разместиться: как заправский путешественник, показала, что, где да как. За кипятком для мелких сама ходила. И вечно наводила порядок, быстро и незаметно.

– Мамочка, а Расскажи ещё что-нибудь.

И сел поближе. И даже, неожиданно смело для себя самого, положил голову ей на колени. Мол, я маленький. Она приняла игру, потеревила мои рыжие кудряшки.

– А про 15-летнего капитана знаете? Я книгу читала. Правда, очень старая, потрёпанная и с пятнадцатой страницы. Но такая! Самая любимая моя.

И вот мы снова с героями Жюль Верна. И снова героически страшно. И очень хочется быть одним из наших. Тем более, что Юля в этого 15-летнего явно влюблена. И снова день летит, как стрела.

С каким упоением я прочёл потом эти книги, словно со старыми друзьями встретился. И очень верил, что встречу и с ней. И вот мне уже почти 40 лет.

Автобус кружит по серпантину. Дети тычутся в телефоны, иногда поглядывая в окошки. А как тогда ехали мы... Не дыша, всматриваясь в новую даль, открывающуюся за новым поворотом.

Большинство из нас и моря-то никогда не видели, в свои десять, тринадцать. И всё думали, а какой он, «АРТЕК». Волшебное слово, обозначавшее для советских детей всё самое лучшее в родной стране.

И всё боялись пропустить, не узнать. И каждый хотел увидеть первым.

Мои воспоминания прервал счастливый крик девчонки с длинными золотыми, как колосья, косами: «Смотрите! Смотрите! Это же Артек»!

Слава Богу, подумал я, и вас можно чем-то удивить. И тоже посмотрел в ту сторону, и понял, что мне опять тринадцать.

Перед нами, залитый солнцем и морем, лежал красивейший из миров, охраняемый Аю-Дагом.

– А я знаю, что такое "Аю-Даг".

(Всё то она знает).

– Ну и что?

– Медведь-гора. По-башкирски, медведь – аю.

– Ты что ли башкирка? Что-то не похожа.

– Ну, не обязательно быть из Башкирии и быть башкиркой.

– А Башкирия – это где? В Сибири?

– Эх вы, москвичи! У вас всё, что за Подмосковьем – Сибирь. Это на южном Урале. Между прочим, я из Ишимбая.

– И?

– Мой маленький город стал первооткрывателем башкирской нефти и каждый третий танк во время войны ездил на нашем топливе!

– А, ну, круто, конечно.

ГЛАВА 2

И зачем я только согласился поехать с Лёшкой? Всем известно, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Она давно утекла, утекло то счастливое советское детство, когда нас привела в восторг классная артековская форма, ведь дома таких шорт ни у кого не было. Огромные, усыпанные цветами, невиданные тропические растения вдоль дорожек и искусственных озёр (теперь-то уж все насмотрелись красот в турецких отелях). А эскимо?! Я о нём только от мамы слышал: «Ах какая вкусная Ореховая трубочка была тогда, в 60-х. Я её больше других эскимо любила!» Ну, не знаю, как москвичи, а пионеры нашего вагона из Урало-Сибирского поезда эскимо только в мультфильмах видели. А тут, в «АРТЕКЕ» его давали каждый день! Я потом дома рассказывал, никто не поверил даже. И корпуса «Морского» лагеря, стоящие на сваях прямо в воде, и домики-бочки «Соснового», и многоэтажки «Янтарного» и других, верхних лагерей, от которых веяло светлым коммунистическим будущим, и старинные сталинские корпуса-дачи «Лазурного» с музеем космонавтики и настоящей центрифугой – всё это было просто ожившей сказкой!

Но самое большое потрясение ждало нас, когда нам объявили, что мы будем жить в лагере «Прибрежный», а конкретно «Озёрный», а ещё точнее – в ближайшем к морю кор-

пуге и та-да-да-дам! Мы будем одним из двух морских отрядов!

И вот тут мы встретились с Юлей глазами. И я понял, что, хоть я и рыжий, но меня ценят, как единомышленника и это замечательно! Ведь мы оба готовы были просто лопнуть от радости! Даёшь Жюль Верна!

Всё изменилось. Не знаю, кто больше – я или «АРТЕК». Я по крайней мере полысел. «АРТЕКУ» тоже досталось за прошедшие со дня нашей встречи 30 лет. Но мы оба живы. И мы снова вместе!

Интересно, в какой отряд распределят племяша? Сохранилось ли то историческое деление, где столичные дети и максимум иностранцев всегда бывали в «Морском»? Правда мы им тогда на второй день перестали завидовать, подумаешь, корпус прямо в прибое стоит, зато они не ходили по морю на шлюпках, как мы.

У чёрного моря стоит...

С него начинался «Прибрежный».

В лучах восходящего солнца горит
«Озёрный» наш добрый и нежный.

Припев:

«Озёрный», «Озёрный» поднял паруса,

И плещутся флаги на мачте.

В пути неизвестном нас ждут чудеса,

Так всем пожелаем удачи!

Мы дружбою крепкой сильны

В работе, искусстве и спорте.
И будем артековской клятве верны,
А это уж точно, не спорьте.

Припев.

«Озёрный» наш лагерь родной,
Частица большого Артека.

Когда после смены уедем домой,
Тебя не забудем вовеки.

И мы поём, обнявшись за плечи, на стадионе, до которого от нашего корпуса двадцать шагов вприпрыжку, а ещё двадцать шагов – и море, а ещё немного и ... Ни за что не догадаетесь! Адмиралтейство, пристань, пирс, шлюпки, вёсла, канаты, жилеты и трёхмачтовый парусный корабль! Самый настоящий, с огромным штурвалом!

Мне надо выдохнуть. Тринадцатилетний ребёнок из СССР во мне всё- таки лопнул от счастья.

Так вот, о распределении по стране «АРТЕК». Мы, пионеры с Урала, традиционно ездили в «Озёрный». Хотя у нас в отряде были и латыши, и украинцы, и пара москвичей, но в основном ребята с Поволжья и Урала. Кстати, ещё у нас были три индуса! Стоит перед глазами такая сцена. Наш вожатый принёс парадные моряцкие белые костюмы: брюки, рубашки, бескозырки. Ну, говорит, товарищи, разбирайте, примеряйте, кому какой подойдёт. Кто штаны подвернул, кто рукава немного, ремешками пояса стянули, да великовата немного всем форма оказалась. А вот индусам наоборот. Они бы-

ли невероятно стройные и узкие, как инопланетяне. На талиях у Линды и Чайтанны штаны русских матросов превратились в пышные юбки времен Екатерины Великой, а мелкому Чандре перемерили все, что было наименьших размеров, и в конце концов вожатая Лена подвернула ему форму вдвое и прошила. Передвигаться в таком наряде парню было, конечно, не просто...

– Ребята, сегодня будем распределяться по шлюпкам. Команды по восемь человек: рулевой, вперёдсмотрящий, пятеро на вёслах, будете меняться, и старшина.

Юля очень сдружилась с Иевой (именно Иевой, а не Евой, как она попросила), из Риги. Мама у неё латышка, отец украинец, но он их бросил, когда ребёнку был год. Красивая сильная высокая чернявая девчонка, на других прибалтов не похожа. Вечерами эти двое вместе со всеми на дискотеку не ходят, «Ласковый май» не жалуют, сидят у прибора и взахлёб про «Гардемаринов» говорят. Всё ждут, когда фильм повторят, шепчутся о том, в какого героя влюбились. Оказывается, не только 15-летний капитан у меня в соперниках...

Встал с ними рядом. Будем в одной шлюпке. Ещё с нами коренастый крепыш – москвич Сашка, всех обескураживающий столичными, непонятными провинциалам, фразами типа «Алло, гараж», потом хрупкая, как цветок, дагестанка Лейла с прекрасными распахнутыми глазами, веселая пухлая девочка Сима из Баку, «азермянка», как она любила шутить, ну и наконец, спокойная и серьёзная Света из украин-

ского Краматорска, а ещё немногословный Руслан из Душанбе.

– Ребята, решаем, кто кем будет!

Лейлу сразу выбрали впередсмотрящей (огромные глаза и тончайшие руки, куда ей на весла-то). Сима сразу сказала, что пойдет на весла, так как сильная. Иева широко улыбается: «И я сильная и хорошо умею грести». Свету назначили рулевой. Мальчишки, понятно, на вёсла.

– Юль, давай ты будешь капитаном. И не потому, что мы с Сашкой мужики, да и руки у тебя чуть сильнее, чем у Лейлы. Просто, ты – настоящий капитан, хоть и девчонка. И это предложение она приняла, как само собой разумеющееся. Привыкла командовать.

Оказывается, то, что я второй раз оказался в «АРТЕКЕ» было не единственным чудом. Лешка с товарищами – тоже в «Озёрном»!

Я остаюсь в гостинице для сопровождающих. Ребята строем уходят вниз по склону. В мой «АРТЕК» ... Или уже и не мой. Уже в тот же вечер я с непониманием смотрел на пустоту рядом с причалом, и мой светлый парусник тихо уплывал в туман прошлого. Сохранились ли морские отряды?

ГЛАВА 3.

Вечером пришёл проводить племянника. Цел: руки, ноги, голова, даже очки на месте. Весёлый. Болтает со всеми, что-то про динозавров вещает. Отряд собирается на костровую площадку. Сегодня у них первый артековский костёр.

Я помню это тропинку. Тогда, в моем отрочестве, казалось, что мы продираемся сквозь густые заросли к таинственному заброшенному замку. Тропа ведёт на выступ над обрывом, где с трёх сторон заросли, а по краю – простор, воздух, а внизу – морская даль! И сложенное из камней кострище, прямо как у Робин Гуда. Юля ещё и в него влюблена, баллады наизусть рассказывает, да ещё фильм какой-то английский туда приплетает, с мистикой. И опять все сидят вечером, как в поезде, и, вытаращив глаза, внимают.

Когда мы, тогда в 1988 году, собрались на свой последний артековский костёр и ночь заботливо прятала катившиеся из всех глаз слезы, вожатые раздали нам прозрачные целлофановые фантики, и мы завернули в них остывшие угольки из костра...

Тихо-тихо тает костер догорающий
Нам со всеми скоро прощаться пора.

Припев:

Подарите на память, товарищи,
Мне живой уголек из костра.

Бродит вечер, лунной дорожкой сверкающий,
Нашу песню к звездам уносят ветра.
Подарите на память, товарищи,
Мне живой уголек из костра.
Вечно-вечно в наших сердцах ты останешься
Лагерь дружбы, мира, весны и добра.
Подарите на память, товарищи,
Мне живой уголек из костра.
Наш вожатый грусть за улыбкой скрывающий
Будет снами петь и шутить до утра.
Подарите на память, товарищи,
Мне живой уголек из костра.

– Андрюш, ты же самое главное забыл взять!

– Мам, не волнуйся, банковская карта в телефоне!

– Эх ты, банкир! Уголек-то свой возьми! Ты же всё детство твердил, что он желание может исполнить, если его обратно в артековский костёр положить! Тебе и Оля верила, и вся малышня во дворе. Ты и сам-то, кажется, верил тогда.

– Тогда верил. Ну, ладно, давай, что ему дома-то пылиться. Надо же, не рассыпался за 30 лет. Каменный уголь!

Костёр выхватывает из темноты лица новых артековцев. Они совсем не похожи на нас. Они все в чём-то более взрослые и, несомненно, более продвинутые, а в целом, менее приспособлены к жизни и интересы у них какие-то игрушечные.

Первый костёр, первые песни. Им сейчас кажется, что это волшебное время будет бесконечным. А у меня в руке уголёк из последнего костра, и я точно знаю, что и «АРТЕК», и детство однажды станут только воспоминаниями. Воспоминаниями, в которые нельзя вернуться, а так бы хотелось. Сколько бы я всего исправил тогда!

Адмиралтейство. Стоим на пирсе, в руках держим оранжевые жилеты. Надо одеть их и прыгнуть в море по двое. Смотрю, как пулей вылетают наши из воды. Море выталкивает поплавки в жилетах с такой силой и скоростью, словно там, под волнами, батут. А мне страшно. И Юле тоже. Я это прямо почувствовал, уж слишком она храбриться и других подзадоривает. На меня смотрит: «Давай!». Вожатый свистит в свисток, но она медлит, а я вообще прилип к бетону. Короче, книжки читать легче. Ещё свисток, и мы оба, несильно разбежавшись, летим в воду. И я вдруг понимаю, что не закрыл глаза. Я вижу вокруг себя миллионы пузырьков воздуха, которые поднимают меня из тёмной глубины к яркому свету. Вижу рядом ещё один столб светящихся пузырьков и понимаю, что там – она. Но всё это – доли секунды, и мы, как две ракеты, вылетаем к солнцу, судорожно глотаем воздух, плывём к лестнице на пирсе, в жилетах неудобно. Уступаю ей дорогу.

– Молодец, Юль, видишь и не страшно!

– А я и не боялась! Это ты струсил. А если в морском походе что-то случится, и ты тоже вот так, только после меня?

– Да я не после, я за тобой!

Пытаюсь шутить и чувствую, все на меня как-то странно смотрят... «Так, ты больше не ныряешь. Вон, как капиляры в глазах полопались. Совсем глаза красные.» – говорит вожатый.

– Но я же пойду в поход на шлюпках?!

– Не волнуйся, пойдёшь!

Вот о чем вспомнилось мне, пока дети слушали у костра про артековские традиции. То ли такой особенный ветер дул с моря, то ли я приехал сюда не столько за племянником приглядывать, сколько в свою память всматриваться...

И тут я почувствовал, что уголёк в целлофане словно жжёт мои ладони. А, дорогой мой, хочешь к своим? Думаешь, сможешь загореться от молодых, согреться сам и согреть других? Ну, давай, попробуем!

Я не видел, что стало с моим угольком в большом костре. Но я поверил этому весёлому пламени и вдруг размечтался. Легко и безгранично, как в 13 лет.

А вожатый рассказал об артековских традициях, затянул вечную «Изгиб гитары жёлтой» и радостно сообщил, что послезавтра – поход на Аю-даг и, значит, завтрашний день пройдёт в приготовлениях и тренировках.

ГЛАВА 4.

Когда потоком светлым
Заря струится с гор
Над солнечным Артеком
Поет Волшебный Горн.

Вот под эти звонкие и громкие звуки мы в 1988 понимали, что пришло утро. Как говорится: «Рота, подъём!!!». Пока пелся куплет самые проснувшиеся вовсю натягивали белые футболки и красные спортивные трусы.

И кажется, что вертится
Быстрее шар земной,
(Самые быстрые уже заправляли постель)
И сразу все артековцы,
Встают в единый строй.
(Ну, в строй не в строй, а в умывальники уже очередь)
Как тебе про Артек рассказать?
На рассвете красив он и днем.
Даже если испишешь тетрадь,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.